

Карагусов Ф.,
доктор юридических наук, профессор;
член Международной академии сравнительного правоведения (IASCL)

О конвергенции права и идее продвижения МФЦ «Астана» в Кыргызстане

Аннотация. *Карагусов Ф. О конвергенции права и идее продвижения МФЦ «Астана» в Кыргызстане.* В статье отмечается значимость конвергенции в области частного права для развития национальных правовых систем, подчеркивается ее объективный характер как процесса, который позволяет современному государству стать признанным участником глобального цивилизационного развития человечества; акцентируется внимание на важности надлежащим образом организованных сравнительно-правовых исследований для достижения наилучшего эффекта конвергенции правовых систем; утверждается перспективность учета казахстанского опыта для целей развития частного права Кыргызской Республики. При этом, в свете публично озвученной идеи продвижения МФЦ «Астана» в Кыргызстане указывается на ряд институциональных и правовых рисков, с которыми могут столкнуться государство и ее народ, а также инвесторы и иные участники делового оборота при осуществлении правового взаимодействия в рамках МФЦА. Обосновывается существование МФЦА как *exorbitant jurisdiction* и предлагается решение о его ликвидации.

Ключевые слова: право, принципы права, правовая система, конвергенция, юрисдикция, *exorbitant jurisdiction*.

Annotation. *Karagussov F. About convergence and an idea of promoting the AIFC in Kyrgyzstan.* In this article an importance of convergence in the field of private law for development of national legal systems is noted, its (the convergence's) objective nature as a process that allows a modern State to become a recognized participant in the global civilizational development of mankind is emphasized. The importance of properly organized comparative legal research to

achieve the best effect of the convergence of legal systems is also stressed out. In that context, the perspective of consideration of Kazakhstani experience for the purposes of development of the private law of the Kyrgyz Republic is affirmed. At the same time, in the light of the publicly announced idea of promoting the Astana International Financial Center in Kyrgyzstan, a number of institutional and legal risks are pointed out that the State and its people, as well as investors and other participants in various business transaction, may face when implementing legal interaction within the AIFC. The existence of the AIFC as an exorbitant jurisdiction is substantiated and a decision on its liquidation is proposed.

Key words: law, principles of law, legal system, convergence, jurisdiction, exorbitant jurisdiction.

1. В апреле 2022 года в Бишкеке прошло 10-ое заседание казахстанско-кыргызского Межправительственного совета. Из сообщений в средствах массовой информации стало известно о состоявшихся рассмотрении актуальных вопросов двустороннего сотрудничества в различных сферах социально-экономической деятельности и обсуждении вопроса о начале строительства индустриально-логистического центра на границе двух республик. Было отмечено увеличение товарооборота и обозначены другие направления двустороннего сотрудничества между нашими странами.

Вместе с тем, с точки зрения перспектив сотрудничества в правовой сфере внимание привлекла информация о том, что по *«по итогам заседания состоялось подписание протокола 10-го заседания Межправительственного совета, а также соглашения об учреждении GFC Bishkek. Соглашение предусматривает создание совместной компании при участии казахстанского Центра зеленых финансов МФЦА и партнеров от Кыргызстана в виде нескольких банковских учреждений. Создание совместной компании нацелено на региональное продвижение Международного финансового центра «Астана» в Кыргызстане и Центрально-Азиатском регионе»* [1].

В этой связи в предлагаемой статье я подчеркиваю важность развития национального права в рамках активного межгосударственного, регионального и международного сотрудничества, в том числе с использованием механизмов сближения, гармонизации национальных правовых систем, иных способов конвергенции права.

При этом, я пытаюсь обозначить некоторые существенные, на мой взгляд, риски для государства и участников делового оборота возникающие из самого факта создания и/или функционирования в Казахстане Международного финансового центра «Астана» (МФЦА).

2. Говоря о конвергенции, я понимаю ее (в качестве общего понятия) как сближение «неродственных» правовых систем, представляющее собой их развитие в сходном направлении и приобретение ими сопоставимых черт и характеристик в примерно одинаковых социально-политических условиях. В связи с этим я считаю, что конвергенция национального права и иностранного права является наиболее целесообразным способом развития национального права на текущем этапе развития современного общества и государства (в том числе с учетом объявленных, в частности, в Казахстане целей и различных перспектив такого развития).

Более того, такая конвергенция является вполне объективным процессом, который позволяет любому современному государству стать признанным участником глобальных процессов цивилизационного развития человечества. Для казахстанского права целесообразность развития по пути конвергенции, продуманного и разумного сближения с правом государств, развитых в культурном и социально-экономическом отношении, не только не вызывает сомнений, но также не имеет альтернативы (если мы, опять-таки, говорим о целях и задачах развития нашего независимого государства).

3. В частности, не вызывает сомнений целесообразность конвергенции казахстанского права с английским правом. Специально обращаюсь к этому вопросу, поскольку уже несколько лет назад на государственном уровне решается задача *«совершенствования законодательства Республики*

Казахстан на основе имплементации английского права в казахстанское законодательство» (хотя это движение не привело пока ни к чему такому, чем можно гордиться, и что можно предлагать в качестве положительного опыта) [2, с. 5], а также поскольку в МФЦА, по официальной версии, создано «самое удобное для бизнеса право МФЦА, базирующееся на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и/или стандартах ведущих мировых финансовых центров» (о праве МФЦА – далее в данной статье) [3].

Пользуясь случаем, отмечу, что английское право – это значимый результат исторического развития того народа и той страны, которые сделали (и продолжают делать) неоценимый вклад в цивилизационное развитие человечества на протяжении многих веков. Выдающийся ученый-компаративист XX-го столетия французский профессор Рене Давид выделил такой признак английского права, как его универсальность, в том значении, что оно (английское право) служит моделью для значительной части человечества [4, с. 252]. Полагаю, что это следует принять за данность.

4. То, что практически весь мир сейчас находится в одинаковых условиях окружающей среды, не вызывает сомнений. Также нет оснований спорить о том, что английское право и казахстанское право являются не совсем родственными, поскольку, с точки зрения общепризнанной классификации, они принадлежат к двум разным правовым семьям. Так что именно конвергенция казахстанского права и английского права объективно возможна; и она возможна по определению.

Специально оговорюсь, что не являюсь сторонником точки зрения о том, что чуждость английского права нашей правовой системе не позволяет конвергенции. Наоборот, в законодательстве стран гражданского кодекса можно найти юридические конструкции, которые позволяют решать сходные задачи, которые решаются в английском праве, например, с использованием таких специфических для него конструкций, как траст. Также системы континентального права могут свидетельствовать и об успешном восприятии

отдельных правовых институтов из системы общего права (например, далее в статье приводится пример развития права в Нидерландах).

5. Важно понимать, что значимым фактором эффективной и перспективной конвергенции является полноценное сравнительно-правовое исследование. В частности, сравнительное правоведение предоставляет целый набор методов, посредством которых может быть обеспечено сближение национальных законодательств. А уже на основе результатов полноценного, сравнительного правового исследования можно будет выбирать приемлемые для казахстанского права способы такого сближения, среди которых могут называться такие, как заимствование апробированных правовых конструкций, восприятие правовых институтов и концепций, даже использование так называемых правовых имплантов.

В этом смысле, для нас примером может служить современная правовая система Нидерландов, чье национальное право даже называют «*конвергируемым правом*». Оно сформировалось за счет обдуманного заимствования и адаптации идей и конструкций из разных правовых систем (включая большой объем такого заимствования из английского права). Сегодня Нидерланды, оставаясь страной гражданского кодекса (еще какого образцового кодекса!), является экономически развитым государством с высоким уровнем общечеловеческой и правовой культуры, а ее правовая система является одним из источников идей для развития права Европейского Союза.

6. Таким образом, еще раз скажу, что конвергенция за счет продуманной рецепции, заимствования адаптированных для нашей системы юридических конструкций и правовых институтов, на данном этапе является единственно возможным сейчас способом развития казахстанского права.

Но самое главное, что хочу подчеркнуть по достижении 30-летия независимости Казахстана, это то обстоятельство, что с какими бы правовыми системами не «конвертировалось» казахстанское право, каким бы «конвергируемым правом» оно не стало, любая конвергенция должна служить

цели развития национального права Республики Казахстан, сохранению и совершенствованию собственной правовой системы как необходимого атрибута любого современного государства! Такой правовой системы, функционирование которой будет служить укреплению государственности Республики Казахстан как суверенного государства, как уважаемого и активного участника международных связей на глобальном и региональных уровнях; существенному усилению экономической мощи нашей страны; благоприятному внутривластическому и социально-экономическому климату и повышению уровня общей и правовой культуры, а также достижению высокой степени доверия граждан и общественных институтов к своему государству!

7. Подчеркну, что до этого места я говорю о конвергенции как условии развития казахстанского частного права.

Для целей развития частного права и, в целом, национальной правовой системы Кыргызстана актуальным может быть восприятие опыта правового и структурного развития в Казахстане. В том числе (если говорим о «продвижении МФЦА»), перспективным может быть пример деятельности Академии МФЦА, где именно английские юристы преподают и разъясняют различные институты именно английского права. Применение каких-то практик регулирования доступа к рыночной инфраструктуре, взаимодействия и поведения субъектов финансовых рынков, используемые в рамках МФЦА также могут служить повышению качества (эффективности, простоты, расширению выбора и т.д.) правового регулирования.

Вышеизложенные выводы, однако, не относятся к тому способу «конвергенции», который выбрали в Казахстане, собственно создав МФЦА, и который (то есть этот выбор) сейчас всячески оправдывают представители некоторых государственных органов Казахстана и кто-то из наших коллег-юристов (в том числе занимаясь «жонглированием» словами и подменой понятий, руководствуясь лишь личными интересами, отказываясь представлять в суде МФЦА контрактных контрагентов, в общем-то

вынужденно выбравших эту юрисдикцию в их договорах с казахстанскими государственными органами и организациями и т.п.).

Я уже ранее публиковал свою точку зрения по этому вопросу и сейчас лишь повторю свою позицию о том, что Конституционный закон о МФЦА был принят в нарушение Конституции Республики Казахстан, так же как функционирование МФЦА сегодня нарушает нашу Конституцию.

Более того, МФЦА возник не просто в нарушение Конституции, но и в нарушение органических интересов казахстанского народа в том, чтобы созданное им государство сохраняло свой суверенитет, повышало степень независимости нашей страны, функционировало в интересах своего народа и обеспечивало его благополучие и процветание.

Поэтому я последовательно предлагаю к рассмотрению вопрос о ликвидации МФЦА, ибо сложившаяся у нас практика игнорировать требования закона и не замечать нарушения закона вылилась в это невообразимое нарушение самой нашей Конституции. И это нарушение должно быть устранено. Причем оно должно быть устранено разумно и продуманно: решение типа «разрубить Гордиев узел», к сожалению, не применимо из-за вероятности непомерных издержек, которые снова могут стать бременем казахстанского народа.

8. Напомню, что в соответствии с Конституционным законом МФЦА создан как самостоятельная юрисдикция, имеющая свои органы, собственные административные процедуры, а также право как создавать собственные правовые нормы, предписывать конкретное поведение в рамках своей территории, так и деятельностью собственного суда МФЦА разрешать споры и конфликты, выносить решения по существу [5].

На территории МФЦА казахстанское право практически не действует. Так называемым «*правом МФЦА*» регулируются гражданско-правовые, гражданско-процессуальные, финансовые отношения, а также административные процедуры и процедуры закупок органами МФЦА. Роль казахстанского законодательства определена как субсидиарная по отношению

к «*праву МФЦА*», допуская его применение к отношениям, не урегулированным «*правом МФЦА*». Юрисдикция органов и судов Республики Казахстан не распространяется на территории МФЦА.

9. Сам Конституционный закон был принят в нарушение Конституции. Но и после внесения поправок в Конституцию, которыми, видимо, предполагалось обеспечить соответствие МФЦА (его создания и деятельности) Конституции, деятельность МФЦА продолжает оставаться нарушающей Конституцию, поскольку есть очевидная разница между тем, что представляет собой «*создание особого правового режима для финансовых сделок*» [6, ст. 4] (что представляется вполне допустимым с точки зрения нашей Конституции), и созданием самостоятельной юрисдикции (что видится явно неконституционным).

Таким образом, с учетом содержания упомянутого Конституционного закона и в соответствии с глобальное признаваемым пониманием концепции «юрисдикция» [7, р. 1048 – 1049], можно считать, что МФЦА создан как самостоятельная юрисдикция.

Теперь функционирование МФЦА создает казусы, которые невозможно регулировать в соответствии с нормами казахстанского законодательства.

10. В качестве примера можно привести получившую распространение практику, когда созданные в соответствии с законодательством МФЦА компании стали проникать на территорию казахстанского права, например, обращаясь за открытием банковских счетов в казахстанских банках, вступая в иные гражданско-правовые отношения с лицами, признанными субъектами права казахстанским законом.

Известно, что компании, учрежденные в соответствии с правилами МФЦА, настаивали на том, чтобы казахстанские банки открывали им банковские счета. И неприятие многими банковскими юристами возможности открытия им банковских счетов совершенно понятно: ни МФЦА не является иностранным или иным суверенным образованием, ни его нормативные установления (в связи с этим) не могут рассматриваться иностранным правом

для целей применения казахстанских норм о международном гражданском праве и международном гражданском процессе [8, р. 769 – 771]. Эти правоотношения кажутся лишенными правовой основы.

11. Правила Главы 9 ГК («Международное частное право») не позволяют рассматривать такие компании ни в качестве иностранных юридических лиц, ни в качестве казахстанских резидентов, ибо как объясняется ниже, Казахстан также не признает МФЦА самостоятельной юрисдикцией (хотя в силу Конституционного закона не признает и казахстанской юрисдикцией).

В то же время именно международное частное право имеет дело или координирует множественность правовых систем различных государств для снижения рисков неопределенности в регулировании трансюрисдикционных сделок и предприятий [9, р. 1380 – 1382].

12. Такая деловая практика неизбежно приведет в тому, что казахстанские суды когда-то будут вынуждены не только разрешать споры, связанные с деятельностью таких компаний МФЦА в рамках казахстанского правопорядка, но и принимать решения относительно действительности имущественных прав, возникших из взаимоотношений с такими компаниями.

Особая сфера деятельности, которая также в будущем может появиться и у казахстанских правоохранительных органов, может быть связана с исследованием (или расследованием) финансовых потоков, прошедших по счетам таких компаний МФЦА в казахстанских банках, а также имущественных прав, возникших на основании решений суда МФЦА по спорам, возникшим на территории Республики Казахстан и на основании казахстанского законодательства, но по каким-то причинам в соответствии с положениями упомянутого Конституционного закона переданными на разрешение в суд МФЦА.

13. Для применения положений любого национального законодательства о международном частном праве и международном гражданском процессе, в том числе казахстанского, когда субъекты МФЦА (например, его администрация и признанные в соответствии с его правилами участники

МФЦА) взаимодействуют в рамках правоотношений с субъектами права по законодательству Республики Казахстан или другого государства, сам МФЦА должен быть признан самостоятельной юрисдикцией.

То есть для того, чтобы коллизионное право могло применяться в правоотношениях с участием субъектов МФЦА и/или самого МФЦА, он (МФЦА) каким-то образом должен быть надлежащим образом признан самостоятельным государством или иным государственным (хоть как-то автономным) образованием, поскольку международное частное право касается именно международных и/или межгосударственных взаимосвязей [7, pp. 1048 – 1049].

Но МФЦА в качестве государственного образования не признан (и не должен быть признан!) ни одним государством, включая Республику Казахстан, ибо признание суверенного права создавать свои правовую и судебную системы для их признания иностранными юрисдикциями, очевидно, осуществляется определенными механизмами, используемыми в международном праве.

14. Понятие юрисдикции в принципе предполагает осуществление суверенной государственной властью полномочий по формированию собственного права и обеспечению того, чтобы суды этого государства были полномочны разрешать дела и споры в соответствии с этим своим правом. Без признания государственного суверенитета не может существовать ни национального права, ни правовой системы, ни юрисдикции, в том числе не может даже возникать вопрос о существовании в рамках какого-то несuverенного образования какого-то своего права, включая международное частное право.

Соответственно, не может быть разрешен и вопрос о применении механизмов и инструментов разрешения конфликтов правовых систем в рамках правоотношений с иностранным элементом (механизмов и инструментов, предлагаемых в международном частном праве) [10, p. 1188 - 1206].

15. Здесь подчеркну, что даже согласно общечеловеческому пониманию суверенное государство в общем определяется как любая нация или народ, какой бы ни была форма ее/его внутреннего устройства, которая(-ый) управляет самостоятельно на своей территории независимо от иностранной власти. Суверенитет государства означает ее полную юрисдикцию на своей территории: независимость государства также означает наличие у него права и полномочия регулировать свои внутренние дела без вмешательства извне, его способность вступать в отношения с другими суверенными государствами. В контексте же рассматриваемого в настоящей статье вопроса это касается и возможности заключать международные соглашения о взаимном признании и/или исполнении.

Конечно же, существование или исчезновение государства – это вопрос фактических обстоятельств: какое-то государство может существовать, не будучи признанным другими суверенными государствами. И даже на уровне Организации Объединенных Наций может отмечаться существование непризнанных государств. Тем не менее, государство должно быть признано другими субъектами международного сообщества, поскольку непризнанные государства чаще всего сталкиваются с тем, что они не могут в полную меру (или вообще не могут) осуществлять полномочия по заключению и исполнению международных договоров, вступать в дипломатические отношения с другими суверенными государствами.

Опять-таки, в контексте темы данной статьи, непризнанное государство не может гарантировать другим государствам действительность и исполнимость судебных решений, принятых даже в рамках собственной юрисдикции этого непризнанного государства.

16. Такое общечеловеческое понимание самостоятельной юрисдикции практически в полной мере совпадает с юридической теорией. Как указывается в источниках, понятие юрисдикции обычно применяется к правомочию создавать и/или влиять на правовые интересы, создавать правовые условия для деятельности субъектов или существования законных

интересов в рамках суверенной власти определенного народа. Любая юрисдикция должна иметь свои правовые основы, определяющие ее внешние границы, а также регулирующие полномочия ее органов по созданию правовых норм, судебной власти и процедурам.

Важно понимать, что, если юрисдикция не признана международным сообществом, но национальным правом утверждается как действительная юрисдикция, такая называется запредельной (или чрезмерной) юрисдикцией (*exorbitant jurisdiction*), и рассматривается как несправедливая юрисдикция ввиду ограниченного взаимодействия между тем органом, который разрешает спорный вопрос, и участниками процесса или самим спором. В связи с этим определенные основания для существования такой юрисдикции должны быть объявлены чрезмерными, а все решения, вынесенные с опорой на такие основания, не должны признаваться иностранными судами [11, pp. 1051 – 1055].

Этот фактор подчеркивает высокую вероятность разнообразных рисков, которые для Казахстана и для участников гражданского оборота создаются функционированием МФЦА.

17. В публикациях выражено мнение, согласно которому предлагается рассматривать Казахстан как смешанную юрисдикцию. В частности, Сулейменов М.К. и Дуйсенова А.Е. считают, что «с созданием Международного финансового центра государство Казахстан стало смешанной юрисдикцией, причём вид этой юрисдикции можно определить как гибридную юрисдикцию в виде локальной смешанной правовой системы» [12]. Они усматривают наличие «реальных оснований признать государство Казахстан смешанной юрисдикцией» [12].

Они также утверждают, что «с созданием территории Международного финансового центра с действующим в его пределах английским правом Казахстан приобрел черты локальной гибридной смешанной юрисдикции. Территория Международного финансового центра представляет собой островок, анклав с действием английского права в окружении остальной

территории Казахстана с ярко выраженным действием романо-германского права» [13].

18. Однако же, вышеописанное не позволяет согласиться с признанием Казахстана именно смешанной юрисдикцией.

Представляется, что создание МФЦА привело к тому, что государство Казахстан, наоборот, отказалось (вопреки воле народа Казахстана, закрепленной в принятой всенародным референдумом Конституции) от своей юрисдикции на выделенной для функционирования МФЦА территории нашего унитарного (!) государства.

При этом оно же (наше государство) допустило утрату контроля за применением казахстанского права в разрешении споров и конфликтов, возникших на территории нашей Республики в рамках нашей правовой системы, но по воле сторон (безотносительно того, насколько свободным было волеизъявление всех соответствующих сторон) спора (конфликта) переданных на окончательное разрешение суду МФЦА.

19. Следует также отметить, что в МФЦА действует даже не английское право (и оно не может там действовать, поскольку МФЦА не принадлежит Соединенному Королевству), как не действует и казахстанское право. Там действует так называемое *«право МФЦА»*, сформированное администрацией МФЦА, не являющейся государственным органом Казахстана.

А самое главное, эти акты МФЦА *«основаны на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и (или) стандартах ведущих мировых финансовых центров»*. Упомянутый Конституционный закон и не мог признать английское право (как и любое иное иностранное право) *«правом МФЦА»*, ибо в теории права в глобальном контексте *«под термином «право» понимается право [определенного] государства»*; термин *«право»* - совершенно иное понятие, чем понятия *«принципы права»* или *«правила права»*, которые служат принципиально иным источником оснований для разрешения споров с участием иностранного элемента [10, р. 1225].

20. Но именно тот фактор, что «*право МФЦА*» основано на принципах чужого права, прецедентах чужеродной судебной системы, которые имели место в иных исторических, политических и социально-экономических условиях, а также неких стандартах не идентифицированных, но названных ведущими, «*мировых финансовых центров*» (существуют ли такие вообще?) является самым настораживающим, поскольку тем самым суду МФЦА предоставлена практически неограниченная свобода в разрешении дел и споров (в том числе переданных ему споров и конфликтов, возникших из казахстанского права), а также используемых им для этого оснований [5, ст. 13].

При таком регулировании суд МФЦА может по своему усмотрению выносить решения по таким спорам (самое страшное - включая подведомственные казахстанским судам споры и конфликты [14]), принимая во внимания любые соображения, не являющиеся правовыми нормами ни казахстанского права, ни какой-либо иной признанной правовой системы [10, р. 1320].

21. Хочется обратить внимание и еще на одну серьезную проблему, возникающую в связи с тем, как организована деятельность МФЦА и суда МФЦА.

Дело в том, что не каждый желающий имеет возможность представлять интересы стороны в этом суде МФЦА. Только аккредитованные юридические фирмы и адвокаты могут быть допущены к процессу в этом суде в качестве представителя стороны. Таких «счастливчиков» немного.

При этом частные, казахстанские и иностранные, субъекты гражданского оборота, вынужденные согласиться на юрисдикцию суда МФЦА в их договорах с казахстанскими государственными органами и иными организациями, в случае возникновения спора по таким правоотношениям сталкиваются с той проблемой, что не могут найти для себя профессионального юридического представителя в суде МФЦА. Впечатляющее большинство аккредитованных юридических консультантов и

адвокатов (практически все) отказываются представлять их, поскольку принципиально не выступают против государства, на постоянной основе работая по государственным или спонсируемым государством проектам, либо надеясь на получение контрактов от него.

В такой ситуации, вынужденные согласиться на упомянутую юрисдикцию для рассмотрения споров частные контрагенты государства, включая инвесторов по проектам государственно-частного партнерства и другим инвестиционным проектам, фактически остаются без возможности профессионального представительства в суде МФЦА.

Другим последствием такой практики является то, что профессиональное сообщество юристов, допущенных к юридическому обслуживанию государства и к участию в процессах в суде МФЦА, могут утратить такие важные качества, как независимость, объективность, беспристрастность, приверженность высоким стандартам профессиональной этики.

С учетом этого, описанная проблема также представляется носящей институциональный характер, формирующей некорректную практику и влекущей риски ненадлежащего социально-политического развития.

22. В связи с изложенным (как и в связи с рядом других не менее существенных обстоятельств), считаю важным скорейшее принятие политического и правового решения о ликвидации МФЦА, оценку последствий его функционирования и, при выявлении негативных последствий, разработку и осуществление плана мероприятий по их устранению.

Хотя продолжение функционирования МФЦА (по крайней мере, в действующей форме / виде) мне не видится в какой-то долгосрочной перспективе, но серьезные испытания для народа и государственности Казахстана, которые нам придется пройти вследствие функционирования МФЦА, могут длиться долго. Вместе с тем, надеюсь, что Республика Казахстан как суверенное государство будет процветать долгие десятилетия в интересах и на благо своего собственного народа!

В свою очередь, в свете озвученной идеи о продвижении МФЦА в Кыргызстане, представляется целесообразным обратить внимание на те институциональные и правовые риски, с которыми могут столкнуться государство, ее народ, а также инвесторы и иные внешние участники делового оборота в рамках национальной территории в случае создания или функционирования какой-то *exorbitant jurisdiction* подобно МФЦА.

*

Список использованных источников:

- 1) Б. Чермашев. Состоялось 10-е заседание казахстанско-кыргызского Межправсовета. Интернет-ресурс: <https://24.kz/ru/news/policy/item/541486-sostoyalos-10-e-zasedanie-kazakhstansko-kyrgyzskogo-mezhpravsoveta> (дата обращения – 4 мая 2022 г.).
- 2) Совершенствование гражданского законодательства Республики Казахстан на основе имплементации положений английского права: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. 25 ноября 2016 года. – Астана: «Қазақстан Республикасының Заңнама институты» ММ, 2017. - 96 б. – казахша, орысша, ағылшынша; электрон. версия: https://zqai.kz/sites/default/files/sbornik_konfer.25.11.16_0.pdf (дата обращения – 4 мая 2022 г.).
- 3) Официальный интернет-ресурс Международного финансового центра «Астана»: <https://aifc.kz/ru/tseli/> (дата обращения – 4 мая 2022 г.).
- 4) Р. Давид. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1967. 496 с.
- 5) Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года № 438-V «О Международном финансовом центре «Астана» (с изменениями и дополнениями). Информационная система ПАРАГРАФ (интернет-ресурс): https://online.zakon.kz/document/?doc_id=39635390 (дата обращения – 4 мая 2022 г.).
- 6) Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изменениями и дополнениями). Информационная система ПАРАГРАФ

(интернет-ресурс): https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения – 4 мая 2022 г.).

7) R. Michaels. *Jurisdiction, foundations*. Encyclopedia of Private International Law. J. Basedow, G. Ruhl, F. Ferrari and P. de M. Asencio, eds. Edward Elgar Publishing, 2017, vol. 2, pp. 1048 – 1049.

8) C. Esplugues and G. Palao. *Foreign law, application and assortment*. Encyclopedia of Private International Law. J. Basedow, G. Ruhl, F. Ferrari and P. de M. Asencio, eds. Edward Elgar Publishing, 2017, vol. 1, pp. 769 – 771.

9) G. Ruhl. *Private international law, foundations*. Encyclopedia of Private International Law. J. Basedow, G. Ruhl, F. Ferrari and P. de M. Asencio, eds. Edward Elgar Publishing, 2017, vol. 2, pp. 1380 – 1382.

10) Goode on Commercial Law. Forth Edition. Edited and fully revised by E. McKendrick. LexisNexis UK and Penguin Books, 2010. – 1433 p.

11) D. Earl Childress III. *Jurisdiction, Limits under international law*. Encyclopedia of Private International Law. J. Basedow, G. Ruhl, F. Ferrari and P. de M. Asencio, eds. Edward Elgar Publishing, 2017, vol. 2, pp. 1051 – 1055.

12) М. Сулейменов и А. Дуйсенова. Смешанные юрисдикции и правовая система Республики Казахстан (публично-правовые и частноправовые аспекты). Интернет-ресурс: <https://articlekz.com/article/34533> (дата обращения – 4 мая 2022 г.).

13) М. Сулейменов и А. Дуйсенова. *Государство Республики Казахстан как смешанная юрисдикция*. В: Субъекты гражданского права и реформа системы юридических лиц: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею 50-летию юбилею доктора юридических наук, профессора Карагусова Фархада Сергеевича (г. Алматы, 28 июня 2021 г.) / Отв. ред. С.П. Мороз. – Алматы, 2021. – 276 с. С. 48; (электронная версия на интернет-ресурсе ТОО «K&T Partners (Кей энд Ти Партнерс)»: https://katpartners.kz/Articles/Sbornik_subject&reform.pdf (дата обращения – 4 мая 2022 г.).

14) Разъяснения № 1 по отдельным вопросам судебной практики, связанным с передачей спора на разрешение суда Международного финансового центра «Астана», утвержденные постановлением пленарного заседания Верховного Суда Республики Казахстан от 15 апреля 2021 года № 5. Интернет-ресурс Верховного Суда Республики Казахстан: https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/razyasnenie_post_no5_rus.pdf (дата обращения – 4 мая 2022 г.).

Подготовлено для участия в Международной научно-практической конференции «Развитие частного права в Кыргызской Республике: вызовы и возможности», посвященной годовщине создания КРСУ и 25-летию кафедры гражданского права и процесса КРСУ, организованной кафедрой гражданского права и процесса КРСУ совместно с Институтом нормотворчества и верховенства права при Министерстве юстиции Кыргызской Республики (г. Бишкек, 30 мая 2022 г.).